

УДК 94(517)"6/13"+94(510).03–04

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ VI – XIII ВВ. ЧАСТЬ I

С. А. Васютин

TRADITIONAL AND INNOVATIVE MECHANISMS OF GOVERNING IN NOMADIC SOCIETIES OF CENTRAL ASIA IN THE 6TH – 13TH CENTURIES. PART I

S. A. Vasyutin

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России № 33.1175.2014К.

В первой части статьи рассматриваются вопросы характеристики институтов управления в кочевых обществах Центральной Азии Раннего и Классического Средневековья. Анализ источников и оценок органов власти у средневековых кочевников показывают, что сложные имперские структуры кочевников неустойчивы и динамичны, а интегративные политические процессы обратимы. Данные особенности автор объясняет специфическими механизмами управления, основой которых выступает традиционная племенная система и соответствующие способы политического взаимодействия. Применение современных теорий политогенеза к истории центрально-азиатских номадов VI – XIII вв. позволило выявить ключевые компоненты власти в номадной среде средневековой эпохи, показать сложносоставной характер управленческих институтов кочевников, трансформацию власти в кочевых вождествах и роль инноваций в процессе формирования раннегосударственных институтов. Это делает перспективным применение системных принципов анализа властных структур в кочевых империях Центральной Азии. Результаты таких изысканий представлены во второй части статьи.

Part I of the paper deals with the issues of governance institutions in nomadic societies of the Early and High Middle Ages in Central Asia. The research of the sources and characterisations of Middle Ages nomads' authorities demonstrates that the complex nomadic empires' structures were unstable and dynamic, and integrative political processes were reversible. The author explains these peculiarities by specific governance mechanisms which were based on a traditional tribal system and the relevant means of political interaction. Modern politics genesis theories applied to the history of Central Asia nomads of the 6th – 13th centuries allowed to reveal some key components of nomadic governance in the Middle Ages, to demonstrate the complexity of nomadic governance institutions, governance transformation in nomadic chiefdoms and the role of innovations in the early state institutions formation. This proves the effectiveness of the applying system analysis principles in research of the Central Asia nomadic empires' governance structures. The results of such analysis are presented in Part II of the paper.

Ключевые слова: власть в кочевых обществах, традиционная племенная система правления, кочевое вождество, инновации в управлении кочевых империй.

Keywords: power in nomadic societies, traditional tribal governance system, nomadic chiefdom, innovations in the nomadic empires governance.

Проблемы классификации и оценки политических режимов у средневековых кочевников Центральной Азии находились в центре внимания номадологов XX столетия. Острая дискуссионность вопроса о государственности у номадов, ее характере и специфике особенно свойственна работам последних двух с половиной десятилетий [61; 3 – 5; 65; 35 – 37; 10; 21 – 24; 52; 20; 15 – 19; 34; 56 – 57; 11; 64; 41; 58; –59 и мн. др.]. Здесь стоит уточнить, что исследователи по-разному понимают дефиницию «государство». Наряду с функциональными теориями государства и жесткими критериями государственной власти (центральный и провинциальный аппарат управления, наличие профессиональной бюрократии, фискальной системы, государственного суда и пр.), ученые используют расплывчатые и неопределенные трактовки государственности. В частности, Д. Роджерс характеризует государство как «любое политическое образование, в котором власть относительно централизована и иерархична, и где контроль распространяется на определенное население и территорию». Исследователь добавляет, что в государстве имеется один или более центр городского типа, а «индивидуумы, живущие в государстве, признают его статус, политически независимый от других таких об-

разований» [41, с. 145]. В противовес данной точке зрения Б. Энхтувшин полагает, что в кочевых империях Центральной Азии присутствовали классические признаки «государственности и цивилизации – наличие институтов управления, письменности, законов, роли государства в социальной жизни населения» [59, с. 228]. Н. Шираиси наоборот на основе изучения археологических и письменных источников и ориентируясь на критерии разных форм управленческих структур, выделенных Э. Сервисом, К. Ренфрю и П. Банном, выделяет разные типы государственности в Центральной Азии: 1) децентрализованные архаичные «кочевые государства» у хунну и тюрков; 2) незрелое уйгурское государство с сохранением системы старых племен; 3) государство в Монгольской империи [58, с. 241 – 250].

В целом же приверженцы государственности у номадов редко аргументируют свои позиции, практически не обращаются к современным теориям политогенеза и не сопоставляют методы управления и институты власти в масштабных политиях номадов с характерными чертами разных моделей государственности («зачаточная», «типичная», «переходная» формы ранней государственности [30, с. 182]).

Другие исследователи акцентируют внимание на том, что классические признаки государственности в тех кочевых империях, где политический центр и основная часть номадов располагались в степи, не оформились и исходят из таких теоретических концептов как «вождество» [26; 30], «аналоги и альтернативы государству» [30]. Так, согласно точке зрения Н. Н. Крадина, кочевые империи выступали как суперсложные вождества и имели догосударственный характер политических институтов. Данный подход находит отражение и в работах ряда других ученых [42, с. 49, 191 – 193, 347; 43, с. 354 – 355; 44, с. 204; 45; 46; 47, с. 32 – 33; 49, с. 368; 63, с. 264 – 265, 321 – 323]. Исключения делались только для кочевых империй, захвативших обширные территории с оседлым населением и вынужденных осуществлять жесткий контроль за покоренным населением и создавать специальные учреждения для фискальных изъятий ресурсов у земледельцев и горожан (Караханиды, Ляо, Юань и др.). При этом подобная трансформация политических институтов в государственную форму рассматривалась как процесс длительный и обратимый [31, с. 174 – 194]. Оригинальную точку зрения, вызвавшую справедливую критику специалистов, высказал американский антрополог Д. Снит. В своей монографии «Безголовые государства: аристократические дома, родовое общество и искаженные представления о номадах Внутренней Азии» он отводил ключевую роль не племенным структурам, а аристократическим домам. Именно они, по мнению антрополога, доминировали в номадных сообществах. Верховные кочевые правители были зависимы от мнения и интересов аристократических домов и лишены возможности проведения самостоятельной имперской политики. Действия вождя определялись позицией аристократии, власть которой в уделах была неоспариваемой. Поэтому Д. Снит и использовал определение «безголовое государство». В этом ракурсе была интерпретирована политическая организация Монгольской империи [64]. Таким образом, часть исследователей полагала, что в степных империях номадов порог государственности был непреодолим, а зарождавшиеся раннегосударственные институты были крайне неустойчивы. Соглашаясь отчасти с данной точкой зрения, необходимо отметить, что в подобном взгляде на политогенез номадов Центральной Азии в недостаточной степени учитывались инновационные компоненты в управленческой практике номадов, возникшие в силу необходимости сплочения номадов, поддержания военно-политического контроля над степными и прилегающими территориями, усложнения военной организации и управленческой структуры в целом.

Следует сказать, что оценка политических институтов кочевых империй ведется и в других плоскостях. Особенно важно отметить исследования преемственности в кочевых обществах Центральной Азии, которые охватывают не только властные учреждения и практики, но ключевую в поддержании высокого статуса правителя сакрально-символическую сферу. Так значительную роль политическим традициям отводил В. В. Трепавлов. Он полагал, что опыт тюркских и монгольских кочевых образований середины I – начала II тысячелетия был аккумулятивен Чингисханом и его наследниками, послужив основой для оформления имперской идеи и механизмов ее создания [50, с. 45 –

111]. Сходные идеи преемственности культурных и политических практик в Центральной Азии высказывал Д. Роджерс [41, с. 155 – 162]. Сюда же можно добавить и интеграцию в политическое наследие кочевников опыта соседних стран [50, с. 4; 14]. Преемственность традиций и поэтапное усложнение кочевых империй Центральной Азии от «даннических империй» и политий, «получавших доход от торговли», к империям «дуальной администрации» и «прямого налогообложения» отразил в своих работах Никола Ди Космо [62, с. 21 – 31; 13, с. 210 – 218].

Принципиально важное значение имеет тезис об определенных различиях в социально-политических структурах кочевых обществ Центральной Азии, разнообразных тенденциях в их развитии и даже их разнотипности [6; 9, с. 313 – 344]. Это ставит под сомнение обобщающие оценки пасторальных империй кочевников и универсалистские схемы исторической динамики степной «цивилизации» (см., например, концепцию Т. Барфилда и ее критику [3; 5; 54, с. 49 – 50; 8]. Отсюда возникает задача детального изучения каждого номадного объединения, выявления специфики общественных институтов и управленческих структур, трансформаций в системе ценностей и моделей поведения элит.

В то же время современный этап дискуссии по проблемам государственности и пределов политического развития номадов [3, с. 70 – 84; 4; 5, с. 18 – 24; 25, с. 143 – 166; 27, с. 314 – 322, 328 – 332; 29, с. 22 – 23, 35 – 43; 31, с. 11 – 37; 109 – 193; 261 – 305; 32; 43, с. 354 – 355; 44; 45; 46, с. 512 – 522; 47; 28; 53, с. 217 – 232; 54, с. 46 – 54; 55, с. 147 – 155; 2, с. 4 – 10; 12; 41; 58 и мн. др.] показывает необходимость выработки определенных критериев для оценки номадных управленческих систем, их классификации.

Существенной проблемой остается решение вопроса о том, можем ли мы даже в политически самых развитых кочевых объединениях зафиксировать институты государственного типа, охватывавшие значительные массы собственно кочевого населения [1, с. 8]. В какой мере кодификация обычного права, введения натуральных налогов и жесткие дисциплинарные принципы функционирования военной системы номадов способствовали включению рядовых кочевников в сферу действия государственных механизмов? Какие критерии мы выберем для фиксации четкой неоспариваемой грани между вождеством и государством?

Для исследователей решение этих вопросов осложняется тем, что во всех кочевых империях соотношение догосударственных и раннегосударственных компонентов власти непостоянно и подвижно. Динамика эволюции кочевых империй не была однолинейной и одновекторной. На примере Хуннской державы, Аварского, Тюркских и Уйгурского каганатов мы можем видеть, как «прогрессивные» (направленные на устойчивое воспроизводство властных функций «центра» империи или их расширение) тенденции могли сменяться «регрессивными» (рост автономии отдельных сегментов империи). Порой эти противоречивые тенденции реализовывались одновременно. В Монгольской империи во второй трети XIII века формирование институтов ранней государственности сочеталось с усилением властных центров на уровне улусов.

В кочевых империях периодически происходили «откаты» к традиционным клановым институтам

управления, когда имперские механизмы подчинения номадов внутри степи и экзополитарная эксплуатация земледельцев переставали действовать или становились не эффективными (сказывалась зависимость пасторальных обществ от крупных земледельческих цивилизаций; применительно к Центральной Азии подобная зависимость номадов была связана с Китаем) [27, с. 322 – 328; 28, с. 191 – 193, 199 – 200, 230 – 231; 31, с. 111 – 193; 3, с. 75 – 76, 82; 4, с. 255 – 275; 5, с. 14 – 26 и др.]. Власть кочевого лидера утрачивала в такой ситуации имперский характер, и действия вождя в первую очередь были направлены на сохранение своего положения в элите империи. В политическом отношении это предвещало крах империй. Вероятно, именно в такой ситуации произошло подчинение тюрков Китаю в 630 г. В условиях поражений тюрков от Тан в 628 – 630 гг. Хели-каган (620 – 630) был лишен возможности поддерживать престиж своей власти с помощью реди-стрибутивных раздач, Хейли попытался ввести налоги и осуществить их сбор с помощью согдийцев, что вызвало выступление (с подачи Китая) против тюрков зависимых племен сейянтю и токуз-огузов (уйгуров), внутренние конфликты среди Ашина, вторжения китайских армий и в конечном итоге – ликвидацию каганата.

Другой деструктивный процесс, характерный фактически для всех кочевых империй, был связан с «перепроизводством политической элиты» (рост числа взрослых мужчин в клане лидера, претендующих на участие в управлении империей, а зачастую и на верховную власть). Ресурсы номадных политий были слишком ограничены, чтобы удовлетворить запросы разрастающейся властвующей патронимии, а кочевые лидеры не могли до бесконечности делить среди родственников собственные политические привилегии. В конечном итоге «перепроизводство политических элит» приводило к гражданским войнам и / или к разрывам единого политического пространства на ряд автономных образований. Именно в такой ситуации произошел раскол империи Хунну на Северную и Южную конфедерации [27, с. 333; 28, с. 224 – 231].

Чтобы восстановить авторитет верховной власти требовались значительные усилия, политическая и военная удача. Надпись в честь Бильге-кагана, повествуя о сложных политических коллизиях во Втором тюркском каганате после смерти Капаган-кагана, фиксирует как первые же боевые успехи нового кагана Бильге, связанные с захватом добычи и ее разделом среди тюрков, привели к росту авторитета правителя: «Весь народ сказал: «Мой каган пришел» и хвалил... лошадей я дал» [С. Г. Кляшторный, 2003, с. 16]. Так древнетюркский текст регистрирует четкую взаимосвязь между престижем верховной власти, военными победами и своевременным исполнением носителем каганской власти реди-стрибутивно-распределительных функций.

В конце концов, крупные кочевые политии не были застрахованы от распада, особенно в результате совпадения таких условий как многостороннее военно-политическое давление (чаще всего объединялись интересы Китая и конкурирующих кочевых элит), наличие внутренних противоречий в правящем клане и / или среди разных племенных групп, ухудшение экологических условий и военные поражения. Учитывая определенную цикличность политических процессов в Центральной Азии, распад одной кочевой импе-

рии, как правило, становился началом истории другой [24, с. 13 – 125]. Однако, деструктивные процессы могли привести и к полной ликвидации организационных структур империи и формированию сегментированного этнополитического пространства, как это было после падения сяньбийской державы и по завершению эпохи «кыргызского великодержавия».

При существующем противопоставлении в исторической науке сторонников и противников государственности у номадов, исследователь находится в «тисках» авторитетных мнений и вынужден выбирать ту или иную позицию, стремиться к точной и однозначной характеристике властных институтов кочевников. Разработанная кочевниковедами [27, с. 328 – 332; 27, с. 240 – 249; 29, с. 36 – 42] в последние десятилетия концепция «двойственной природы» кочевых империй, несомненно, позитивна, но даже она не может дать исчерпывающие ответы. По-видимому, надо учесть, что *управленческие системы номадных империй, как явление сложное и многогранное, не могут быть описаны с помощью однозначных дефиниций.*

В связи с этим надо вести речь не столько о «двойственной природе», сколько о *многокомпонентности властных структур в кочевых империях.* В таких постестарно-политических образованиях разные управленческие институты представляли собой адаптированные друг к другу элементы архаичной (клановой), вождеской и раннегосударственной власти, с разным соотношением на определенных этапах исторического развития. Следует напомнить и о довольно продуктивной концепции «двойной политической культуры». Правда, данная концепция используется при описании посттрадиционных обществ. Мы же можем проецировать ее и на общества традиционные, в которых раннегосударственные политические практики элиты сочетались с более архаичными по своему характеру мероприятиями. Определенная внутренняя дифференциация управленческих институтов и политических мероприятий в кочевых империях позволяет говорить о *разных пластах политической культуры номадов.*

К наиболее архаичным пластам (элементам) политической культуры следует отнести территориальное поведение, бинарность («свой» – «чужой») и агрессивность ко всему неизвестному, гендерное и возрастное неравенство, иерархию, разделяющую общество на субъекты и объекты власти, дарообменные связи (реципрокация) и т. д. [30, с. 49 – 115]. Все названные и другие элементы архаичной политической культуры сохраняют свое значение в трансформированном виде в более продвинутых формах традиционной власти, где главным элементом остается престижная экономика (в рамках клана, племени, простого и сложного вожества). Показательна характеристика Н. Н. Крадиным империи Хунну: «На самом деле Хуннская империя была в сущности «племенной империей», в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили сложную систему кланово-племенной генеалогии номадов, а сосуществовали и переплетались с ней» [28, с. 192].

Столь же неоднозначна и раннегосударственная политическая культура. В Монгольской империи, по мере ее эволюции к зрелым раннегосударственным институтам, мы найдем немало переходных элементов и практик, особенно в 20-е – 40-е гг. XIII в. (сохранение личностного характера господства, медленная эволю-

ция даннической системы в налоговую, доминирование военной сферы власти над гражданской и т. п.). Скорее всего, на этом этапе преобладали архаичные и вождеские политические культуры. К середине XIII в., когда в империи сложилась весьма развитая по кочевым меркам раннегосударственная система, соотношение изменилось в пользу более формализованных государственных практик (охватывающие самые различные виды хозяйственной деятельности налоги, письменное делопроизводство и законодательство, заимствование официальных этикетов и обрядов из чжурчженской, китайской, персидской и иных политических культур, четкая иерархия гражданской бюрократии и т. д.). Однако, при этом в империи и ее ведущих улусах в отношении самих кочевников (а порой и других групп населения) использовались архаичные редистрибутивные механизмы влияния власти на аристократии, служилую знать и даже рядовое население.

В Юань регулярно осуществлялись раздачи скота, продуктов и имущества, отмены налогов рядовымномадам в случае джудов, голода или причин военнополитического плана. Так 8 декабря 1261 г. Хубилай приказал закупить «свыше 25 тыс. коней и передать безлошадными из монгольских воинов», 3 февраля 1262 г. был отменен налог с кочевников «по снабжению императора овцами», 6 июня 1263 года по распоряжению императора «бедный народ, подчиненный князю А-чжи-изи, ... был пожалован конями, быками, повозками и шелковыми тканями». По другим указам юаньских правителей проводились конфискации лошадей у нарушителей законов для раздачи безлошадным воинам, организовывалось регулярное снабжение номадов рисом, зерном и скотом, раздавались бумажные и серебряные деньги, шелк и т. д. [38, с. 386 – 402].

В данных актах, скорее всего, сочетались действия по оказанию социальной помощи (номады получали скот, продукты и деньги только в том случае, если были «бедными» и действительно испытывали нужду) и стремление поддержать престиж хана и его администрации в глазах рядовых номадов. Показательно, что у имперских властей сохранилось стремление использовать практику «престижной экономики», а вот ее механизмы стали вполне государственными: не было акций, связанных с непосредственной передачей великим ханом материальных благ, а сами ресурсы брались не из личного имущества хана, как это зачастую было в степи. Все мероприятия по оказанию помощи бедным кочевникам выполнялись через формализованные государственные процедуры (приказы и распоряжения), реализовывались государственными чиновниками (центрального аппарата, провинций и округов – лу), а источником помощи были государственные запасы (рисовые и зерновые запасы, денежные средства государства, штрафы, закупленный чиновниками скот и т. д.). В данном случае скорее стоит говорить не о «престижной экономике» как таковой, а о зарождении государственной социальной политики на основе договорных государственных политических традиций.

В империи Юань поддержание престижа кочевых лидеров с помощью редистрибутивных актов сочеталось с инновационными для номадов формами управления – административным контролем за преобладающим оседлым населением и фискальная политика, позаимствованная из богатого опыта восточнотуркестанских уйгуров и государств на территории современного

Китая (в данном случае это, прежде всего, чжурчженская Цзинь, тангутская Си Ся и Южная Сун). Доходы от регулярных изъятий (налоги, пошлины, штрафы, дани) во много раз превышали военную добычу и распределялись среди элиты и высших чиновников (военных и гражданских). Интернациональный характер монгольской армии не позволял выстраивать систему, ориентированную на восприятие великого хана только как кланового и / или кочевого лидера. Его функции стали шире, а иерархия подчиненности и зависимости намного сложнее. Сходные примеры мы найдем и в других крупных улусах Монгольской империи (государство Хулагуидов, Золотая Орда).

Специфика государственной практики Хулагу и его наследников, расширение в юаньской державе государственных механизмов, станут еще более показательными, если мы сопоставим ее с той политической культурой, которая господствовала в империи еще в период правления Угэдэя (1229 – 1241 гг.). Несмотря на некоторые весьма существенные изменения, произведенные Угэдэем (принятие титула «каан», регламентация действий охраны «кебтеулов, хорчинов, тархаутов и всей гвардии кешиктенов», введение «шулена» – государственной продовольственной повинности (одного двухгодовалого барана от стада), «ундана» – повинности кобыльим молоком, а также налога в пользу неимущих (одна овца с каждой сотни овец), разделы кочевий, строительство колодцев в Гоби, создание имперской ямской службы и системы ее обслуживания, превращение Каракорума в столицу [33, с. 146 – 148, 150 – 154; 40, с. 20, 36, 40], источники описывают его скорее как традиционного кочевого лидера.

В первую очередь Угэдэй как никто другой из монгольских правителей, уделял внимание поддержанию своего авторитета с помощью «престижной экономики» (вероятно, сказывалось то, что он был первым правителем монголов после Чингис-хана и требовались значительные усилия и многочисленные раздачи даров, чтобы хотя бы отчасти «приблизиться» к авторитету и влиянию основателя империи), причем редистрибутивные мероприятия выходил порой далеко за грань требуемого. Рашид-ад-дин, воспеывая заслуги Угэдэя, невольно указал на главный мотив такого иррационального поведения главы империи: «Поскольку при наступлении смертного часа [сокровища] не приносят никакой пользы, и с того света возвратиться невозможно, то мы свои сокровища будем хранить в сердцах и все то, что в наличности и что приготовлено, или [то, что еще] поступит, отдадим подданным и нуждающимся, чтобы прославить доброе имя» [40, с. 49].

Повествование об Угэдэе в «Сокровенном сказании» и особенно в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина позиционирует редистрибутивную функцию верховной власти как генеральную. Раздачи на курултаях и по другим случаям принципам крови и военно-аристократическому окружению тканей, денег, оружия, по-видимому, вообще воспринимались как самая важная часть государственной политики. С этой целью по приказу Угэдэя были построены специальные склады для хранения престижного имущества [33, с. 153; 40, с. 40; см. так же о раздаче халатов и золотых поясов – 60, с. 136 – 140]. Курултай при Угэдэе сопровождался продолжительными празднованиями, заканчивавшимися только тогда, когда «...по принятому обычаю, все

богатство, которое было собрано в казнохранилищах, он (каан) раздарил собравшимся» [40, с. 35].

Стереотипам традиционного поведения соответствует и образ жизни Угэдэя. Будучи верховным правителем огромнейшей империи, он почти всю жизнь проводил в перекочевках, соколиных и загонных охотах, развлечениях [40, с. 41 – 42]. «Рассказы» Рашид-ад-дина об Угэдэе-каане («рассказы», вероятно, являлись распространенными среди монголов и представителей других народов легендарными преданиями) подчеркивают еще целый ряд немаловажных моментов. Фактически везде присутствует личностный оттенок: Угэдэй сам интересуется судьбой людей, которых одаривает, сам судит, сам определяет размеры поощрений [40, с. 49 – 60]. Нет никакого сравнения с официальным сугубо бюрократическим подходом к решению проблем обедневших скотоводов в Юань. Так же важно, что редистрибутивные акты свершались регулярно и чуть ли не ежедневно (например: «...каждый вечер он устраивал состязание лучников, арбалетчиков и борцов и одарял того, кто достигал превосходства [40, с. 41]). Некоторые такие одаривания удивляют своей «иррациональностью». Особенно показательна произвольность решений о раздаче казны жителям Каракорума [40, с. 53], ничем не оправданные выдачи огромных сумм (в тысячи «балашей») или богатств (одной из родственниц Угэдэй подарил жемчуг на 80 тысяч динаров) [40, с. 49, 51 – 52, 58, 59 и др.]. Среди получавших дары не только монголы, кыпчаки и уйгуры, но и китайцы, персы, арабы и даже византийцы, что, скорее всего, отражает имперский характер «престижной экономики». Несоизмеримость с политическими целями таких раздач порождалась, с одной стороны, устойчивыми ментальными стереотипами архаичной политической практики (редистрибутивную политику приходилось соотносить с ожиданиями кочевников после успешных и весьма обширных завоеваний, а в этом случае лучше раздать больше чем надо, чем не добавить), с другой – с колоссальными материальными ресурсами империи, значительная часть которых в силу традиционности политического мышления не могла использоваться рационально (на содержание ханской семьи и ханского окружения, гвардии, армии, ямской службы уходило далеко не все ресурсы).

Грань, разделявшая догосударственные формы правления и институты ранней государственности, в случае с кочевыми империями довольно не четкая, можно сказать размытая, особенно если учесть неустойчивость зарождающихся государственных институтов, обратимость управленческих практик. Объяснить инновации в политической системе только типом имперской организации невозможно (типичные, даннические, завоевательные – [27, с. 316]). Даже в завоевательных империях процесс трансформации власти в сторону наращивания государственных элементов не означает, как мы видели выше, прекращения традици-

онных практик, например, связанных с институтом престижной экономики, который с учетом возрастающих доходов правителя приобретает еще большие масштабы. Можно сказать, что численность чиновников и сложность управленческого аппарата в кочевых империях напрямую зависела от территориального размаха завоеваний (особенно важно было включение в состав империи территорий с оседлым и полукочевым населением) и традиций политической власти в покоренных землях. Этот фактор, несомненно, имел значение, но пример Уйгурского каганата показывает, что в отдельных случаях элементы государственности рождались в степи, отражая общую тенденцию усложнения общества (развитие транзитной торговли, урбанизация, принятие элитой манихейства, появление нетипичных для кочевых сообществ социальных страт) [7].

Неоднозначны и функциональные роли правителей кочевых империй. Каганы и ханы, сохраняя роль верховных редистрибуторов, одновременно с этим могли выступать и как харизматические лидеры номадов, и как верховные чиновники-деспоты в контексте традиционной власти в Китае и Персии. Функциональных ролей у таких правителей, по-видимому, было много (верховный военачальник, судья и администратор, распорядитель ресурсов, носитель сакральных функций и т. д.), что опять же говорит о сложном характере власти. В. В. Трепавлов полагал, что существовало несколько уровней проявления и отражения функций власти кочевых лидеров: мифологический, родовой, улусный, государственный и общеисторический [51, с. 77].

Политическая конъюнктура порой вынуждала ханов обращаться к обычным для редистрибутивных систем пирам и раздачам имущества и драгоценностей. Такие «рецидивы» престижной экономики были особенно часты во время перехода власти от одного правителя к другому, подкрепляя акт легитимизации. Рашид-ад-Дин: «Абага-хан (старший сын Хулагу), после восшествия на ханский престол, раздарил женам, царевичам и эмирам безмерные богатства деньгами, драгоценностями и дорогими одеждами, так что польза от этого получалась для всех воинов» [39, с. 67]. Так же действовали и другие наследники Хулагу.

Таким образом, показанный выше сложносоставной характер управленческих институтов кочевников делает перспективным применение системных принципов анализа властных структур в кочевых империях. В системном анализе потестарно-политические институты номадов предстают как целый комплекс компонентов (традиционная клановая система правления, трансформированная власть в кочевых вожествах и инновационные для номадов (ранне) государственные институты). Учитывая динамичность политических процессов в кочевых полициях, соотношение данных компонентов было неустойчивым и подвижным.

Литература

1. Базаров Б. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
2. Базаров Б. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Введение. Кочевники и происхождение государства // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.

3. Барфилд Т. Дж. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: ИА РАН, 2002.
4. Барфилд Т. Дж. Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 254 – 269.
5. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / пер. Д. В. Рухляева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. Режим доступа: <http://barfield.narod.ru>. (дата обращения: 12.07.2012).
6. Васютин С. А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 4. С. 20 – 34.
7. Васютин С. А. Уйгурский каганат – цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс. н. э. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 11. С. 28 – 34.
8. Васютин С. А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. (Серия: История, филология). Т. 10. Вып. 1. История. С. 34 – 39.
9. Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография / науч. редактор Н. Н. Крадин. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. 400 с.
10. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. М.: Наука, 1996. 152 с.
11. Ганиев Р. Т. Восточно-тюркское государство в VI – VIII веках. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. 152 с.
12. Гринин Л. Е. О некоторых особенностях политогенеза в кочевых и варварских обществах // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 58 – 92.
13. Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3.
14. Дробышев Ю. И. О некоторых сино-монгольских параллелях во взглядах на верховную власть // Сакральный образ правителя / науч. ред. С. А. Васютин, А. П. Батурич. Кемерово: КемГУ, 2011. С. 183 – 207.
15. Жумаганбетов Т. С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI – XII вв. Алматы: Жети Жаргы, 2003. 432 с.
16. Жумаганбетов Т. С. Культ Тенгри, как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2006. № 2. С. 119 – 126.
17. Жумаганбетов Т. С. Проблемы истории кочевых государств // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 160 – 166.
18. Жумаганбетов Т. С. Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 154 – 162.
19. Жумаганбетов Т. С. Власть кагана в древнетюркской государственной организации // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34(135). (Серия: История). Вып. 27. С. 14 – 19.
20. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII – IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
21. Кляшторный С. Г. Первый Тюркский каганат // История Востока. Т. 2. Восток в средние века. М.: Наука, 2000. С. 60 – 67.
22. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
23. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.
24. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
25. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
26. Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 11 – 61.
27. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос, 2000.
28. Крадин Н. Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 311 с.
29. Крадин Н. Н. Комплексные кочевые общества кочевников в кросс-культурной перспективе // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004.
30. Крадин Н. Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 270 с.
31. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
32. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006. 558 с.
33. Козин С. А. Сокровенное сказание монголов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.
34. Кумекон Б. Е. О древнетюркских государственных традициях в Кимакском каганате и Кипчакском ханстве // Известия Национальной Академии наук республики Казахстана. Серия общественные науки. 2003. № 1. С. 74 – 77.
35. Кычанов Е. И. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 44 – 67.

36. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.
37. Кычанов Е. И. Властители Азии. М.: Восточная литература, 2004. 631 с.
38. Мункуев Н. Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII – XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе / отв. ред. Л. С. Тихвинский. М.: Наука, 1970.
39. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Ладомир), 1946 (переизд. 2002). 315 с.
40. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер. с перс. Ю. П. Верховского. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Ладомир), 1960. (переизд. 2002). 340 с.
41. Роджерс Д. Причины формирования государств в Восточной Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.
42. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. 216 с.
43. Скрынникова Т. Д. Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации / отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос, 2000.
44. Скрынникова Т. Д. Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингис-хана // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: ИА РАН, 2002.
45. Скрынникова Т. Д. Властвующая элита эпохи Чингис-хана: воины-придворные? // Вестник Бурятского государственного университета. (Серия: Востоковедение). 2006. С. 3 – 21.
46. Скрынникова Т. Д. Монгольское кочевое общество периода империи // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006.
47. Скрынникова Т. Д. Нукерство – элита Монгольского улуса Чингисхана // Чингис-хан и судьбы народов Евразии-2: мат. Междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007.
48. Скрынникова Т. Д. Властные отношения в империи Чингис-хана // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти: монография. (Серия: Цивилизационные измерения). Т. 14. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 191 – 213.
49. Скрынникова Т. Д. Социальная структура монгольского улуса // Средние века. 2011. № 72.
50. Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности В. В. Трепавлов. М.: Наука, 1993. 472 с.
51. Трепавлов В. В. Вождь и жрец в эпическом фольклоре тюрко-монгольских народов: некоторые особенности организации традиционной власти у кочевников // Монгольская империя и кочевой мир / ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004.
52. Файзрахманов Л. Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань: Мастер Лайн, 2000. 188 с.
53. Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004.
54. Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: ИА РАН, 2002.
55. Холл Т. Монголы в мир-системной истории // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004.
56. Худяков Ю. С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 240 с.
57. Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.
58. Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.
59. Энхтувшин В. Традиции государственности и история кочевников // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.
60. Юрченко, А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012 (2013). 432 с.
61. Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell, 1989. 325 p.
62. Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history // Journal of World History. 1999. Vol. 10. № 1.
63. Legrand J. Mongols et Nomades: Societe, Histoire, Culture (Монголчууд, нуудлэчдийн: нийгэм, туух, соёл). Text, communications, articles 1973 – 2011. Улаанбаатар, 2011. 528 p.
64. Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2007. 273 p.
65. Yamada N. Kita Azia yuboku minzoku shi kenkyu (The Study of the history of Nomadic peoples in North Asia). Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 1989. 259 p.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, 8(484-2) 58-33-97, vasutin@history.kemsu.ru.

Sergey A. Vasyutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of the History of Civilizations and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 16.12.2014 г.